

УДК 82.091
ББК 83.3(2)

DOI: 10.31862/1819-463X-2021-4-19-27

ОБРАЗ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ В. Г. РАСПУТИНА КАК ОТРАЖЕНИЕ САМОБЫТНОСТИ МИРОЧУВСТВОВАНИЯ ПИСАТЕЛЯ

А. В. Игнатьева

Аннотация. *Статья посвящена анализу обстоятельств и причин выбора главного героя творчества В. Г. Распутина. В центре внимания автора – особенности мировоззрения писателя и их отражение в его творчестве. Именно они позволяют увидеть родственность прозаика с поэтами XIX в. и приметы поэтического мышления в его художественном пространстве. Творчество В. Г. Распутина рассматривается целостно: от первых текстов до последней повести, прослеживаются особенности эволюции женского образа писателя, укрупнение его масштаба. Демонстрируется становление в творчестве писателя второй половины XX в. традиционной для русской культуры и литературы идеи женского мессианизма. Все это позволяет делать выводы о векторе движения философской мысли писателя, его взглядах на будущность России и роль русской женщины в настоящем и будущем.*

Ключевые слова: *мирочувствование художника, женский образ, творчество В. Г. Распутина, идея женского мессианизма, традиция.*

Для цитирования: *Игнатьева А. В. Образ русской женщины в творчестве В. Г. Распутина как отражение самобытности мирочувствования писателя // Наука и школа. 2021. № 4. С. 19–27. DOI: 10.31862/1819-463X-2021-4-19-27.*

THE IMAGE OF A RUSSIAN WOMAN IN THE WORKS OF V. G. RASPUTIN AS A REFLECTION OF THE ORIGINALITY OF THE WRITER'S WORLDVIEW

A. V. Ignateva

Abstract. *The article is devoted to the analysis of causes and circumstances of the choice of the central character in the works of V. G. Rasputin. The focus of the author is on peculiarities*

© Игнатьева А. В., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

of thinking of a writer and their reflection in his creative works. It is these peculiarities that allow to see the affinity of the writer of prose with the 19th century poets and the signs of poetic thinking in his artistic space. The art of V. G. Rasputin is wholly considered: peculiarities of the evolution of the female image created by the writer and its development are traced from his first texts to the last story. The establishment of the ideas of female messianism typical of Russian culture and literature within the works of the writer of the second part of the 20th century is demonstrated. All this allows us to draw conclusions about the direction of the philosophy of the writer and his views on the future of Russia and role of a Russian woman in the present and in the future.

Keywords: world perception of the author, female image, V. G. Rasputin's works, idea of female messianism, tradition.

Cite as: Ignateva A. V. The image of a Russian woman in the works of V. G. Rasputin as a reflection of the originality of the writer's worldview. *Nauka i shkola / Science and School*. 2021, No. 4, pp. 19–27. DOI: 10.31862/1819-463X-2021-4-19-27.

Начиная с первых рассказов, так называемых «проб пера», а если быть точнее, даже с первых журналистских работ до последней повести В. Г. Распутин неустанно размышлял о женщине.

Кто из отечественных писателей-прозаиков так последовательно проникал в мир «женской души», отодвигая на второй план, даже в какой-то мере нивелируя интерес к мужскому миру? Возможно, В. Г. Распутин – первый из авторов в русском прозаическом творчестве, кто с такой настойчивостью и упорством погружался в женское начало, сознательно и целеустремленно стремясь постигнуть не только секрет его очарования, но и вневременную, спасительную природу его духовной миссии.

Вероятно, эта особенность творческого процесса писателя связана не только с его нравственно-философской составляющей (хотя, безусловно, и с ней), но и с особенностями, своеобразием его мироощущения. Неслучайно сам автор подчеркивал общеизвестную истину, что «писателем человека делает не столько внешняя, сколько внутренняя жизнь» [1, с. 501].

Приоткрывают завесу тайны внутреннего мира В. Распутина его собственные

воспоминания о первых осознанных ощущениях мира физического, представленные в известном очерке «Откуда есть пошли мои книги». «Первые мои впечатления связаны с Ангарой, потом с матерью и бабушкой» [1, с. 502], – признавался писатель. В этом ряду Распутин называет только женские образы матери и бабушки. Обстоятельства детской судьбы художника – долгие годы отсутствия отца, нелегкая, «пригорбленная» военным временем и послевоенной судьбой отца жизнь матери – безусловно, оставили неизгладимый след в его душе и впоследствии, думается, повлияли на выбор главного героя. Однако в этом признании-воспоминании есть и другой, не менее значительный аспект. Вполне понятны и объяснимы чувства слитности любого ребенка с матерью, близости к бабушке. Необычно главенство в первоощущениях личности мальчика величественного природного и вместе с тем женского образа – реки. Ведь и сам Распутин удивлялся этому: «Я понимаю, что должно быть наоборот, ведь не Ангара же вспоила меня грудным молоком» [1, с. 502], однако он вынужден был признать: «Сколько ни веду я в себе раскопки, ничего прежде Ангары не нахожу»

[1, с. 502]. Из всего существующего многообразия смыслов первообраза реки писатель еще в детстве выбрал главный для себя – созидание и сохранение жизни, что приблизило его к образу великой матери. Образ реки реконструируется в сознании ребенка как образ праматери всех людей в целом и маленького мальчика в частности: «Ангара же поразила меня волшебной красотой и силой, я не понимал, что это природа, существующая самостоятельно от человека миллионы лет, мне представлялось, что это она принесла нас сюда, расставила в определенном порядке избы и населила их семьями. ...Слышу и сейчас чей-то голос: “Это матушка-Ангара бедным детушкам понесла”» [1, с. 502].

Художник был убежден в том, что «писатель начинается в детстве от впечатлений, которыми питывается именно тогда» [1, с. 501]. Очевидно, река настолько потрясла Распутина в детстве, что ее образ, наряду с образом матери и бабушки, а может быть, и в большей мере оказал влияние на общую структуру личности писателя, в значительной степени определил особенности его мышления и чувствования.

С самого начала мир открылся В. Распутину в своей женской, материнской энергии и связанной с ней чувственной стихией. Река мощным потоком материнства внесла в жизнь, мирочувствование маленького человека создающее женственное (материнское) начало, которое в творческом акте выплеснулось и заполнило страницы его уже взрослых произведений. Ведь и сам Распутин видел истоки своего зрелого творчества в общении с мощным потоком Ангары-матери: «Я верю, что в моем писательском деле она (Ангара. – А. И.) сыграла не последнюю роль: когда-то... вышел я к Ангаре и обомлел – и от вошедшей в меня красоты обомлел, а также от явившегося из нее сознательного материального чувства родины» [2, с. 483]. «Надо ли гордиться, что я, кажется, последним

пропел ей (Ангаре. – А. И.) сыновью песню со словами, которые она в меня наплескала?!» [1, с. 504]; «Ангара, Ангара! – изумрудная наша красавица, еще и теперь протекающая по моему сердцу, – сколь многим она меня напоила и накормила!» [1, с. 502].

Может показаться, что слова эти – лишь поэтическая дань Распутина малой родине, своего рода «величальная» песнь реке-матушке. Но при всей лиричности звучания слов художника они не о пространственных категориях и чувствах. Писатель засвидетельствовал в своих воспоминаниях совершенно конкретный процесс становления собственного мирочувствования, совершающийся в конкретный момент времени, в определенном детском возрасте: «Помню: стою я в носу острова (а какие острова были на Ангаре, какие острова! ...стою я совсем маленький, должно быть, лет четырех-пяти. И во все глаза гляжу, как рассекается ее синее полотно на две половины, забрасывая меня острыми холодными бризгами. Я раз за разом вытираю лицо и продолжаю всматриваться, видя что-то такое, не соединяющееся в образ, но зримое, взрослым глазам неподвластное. Потом стою на своем берегу и, склонившись низко, рассматриваю это же самое, заинтересовавшее меня, потом рассматриваю с лодки, пригребавшей на остров, – и не может быть, чтобы я ничего там не высмотрел и не занес в свою душу, что-то такое, что сделало ее *чувствительной и подвижной*» (здесь и далее курсив наш. – А. И.) [1, с. 503].

Именно чувствительность, чувствование, связанные в сознании Распутина с метафизическим понятием «чувствилища», характеризуют особенности его художественного принципа и философского мирозерцания. Тема эта глубоко и полно освещена в работе И. И. Плехановой [3]. Следуя классификации К. Юнга, она определила психотип В. Г. Распутина как чувствующего интроверта,

обладающего способом надсенсорного и сверхразумного познания.

В начале XX в. известный православный священник, публицист С. М. Соловьев заметил, что именно чувственное восприятие жизни определило отношение Гёте к женщине: «Женщина для него – совершенный цветок природы» [4, с. 11]. Другой великий певец Вечной Женственности, обладатель интуитивно-чувственного восприятия мира А. А. Блок выводил женственное начало в качестве основного принципа всей своей мировоззренческой системы. Об этом, в частности, свидетельствует его дневниковая запись от 26 июня 1902 г.: «Давно уже хочу я положить основание мистической философии моего духа. Установившимся *наиболее* началом смело могу назвать только одно: женственное. ...Как оно отразилось в моем духе... Я, как мужской коррелат “моего” женственного» [5, с. 48]. Олег Клинг заметил, что в образе Прекрасной Дамы определенным образом нашло отражение самого «Я» поэта: «В этом образе-мифологеме есть и отражение мира автора. Сам Блок не закрывал глаза на существование в нем двух начал – мужественного и женственного» [6, с. 450]. То есть Поиски Вечной Женственности лежали в русле обретения гармонии двух начал в самом поэте. Поэтому исследователь Л. Р. Миркушина сделала вывод о том, что «Прекрасная Дама – не отвлеченный мифологизированный образ, это та недостающая половинка поэта, которую он должен найти с целью достижения гармонии и собственной завершенности» [7, с. 119].

В этом же ключе представлены размышления В. С. Непомнящего о «солнце русской поэзии»: «Татьяна потому и “верный идеал” Пушкина, что она воплощает его мечту о том, каким надо быть человеку – в частности, ему самому, поэту» [8].

То есть создание идеального женского образа – это не только поиски

решения социально-нравственных, философских, насущных земных вопросов, но еще всегда и духовный поиск идеального «Я» самого поэта, поиск божественной сущности человека в себе. Несомненно, это положение также непреложно и по отношению к нашему художнику, к В. Г. Распутину, сокровенная сущность творчества которого определяется доминантой поэтического мышления «поэта-демиурга» [9].

Поэтическое чувство устремило сознание В. Распутина к постижению категорий и элементов сверхбытия, «заставило» подобно А. Блоку, обладателю интуитивно-чувственного восприятия мира, внимать звучанию космического пульса, приблизиться к мистическим тайнам мироздания. В современном литературоведении становится все более очевидным, что «Валентин Распутин не только утверждает в своем творчестве этические христианские ценности, но и является, в отличие от большинства других писателей-традиционалистов, мистическим писателем» [10, с. 68].

Е. Ш. Галимова точно описала особенности мистического (подлинно религиозного) мироощущения Распутина, которое не может быть переведено в научную парадигму и постигается читателем, в том числе профессиональным, интуитивно: «Мистическое в прозе Распутина – не вымысел, не фантастика, а реальность. Реальность особого высшего порядка. Писатель фиксирует и... стремится с документальной точностью передать нам свой опыт, “который основан на встрече человека с Богом лицом к лицу – таинственной и сверхъестественной встрече с Реальностью, превышающей всякое человеческое восприятие”» [цит. по: 10, с. 70].

Иными словами, В. Распутин ничего не придумывает, не фантазирует, не создает схем и отвлеченных идей, мистический пласт произведений приобретает личным опытом художника в процессе их создания, через сознание своего

главного героя (героини). В. Распутин, все существо которого уже в детстве было распахнуто навстречу энергии женственности, почувствовал, вероятно, что только через нее и через женщину с ее «особенными психическими энергиями» [11, с. 140] он может приобщиться к единству всего сущего, говоря словами символистов, к «реальной реальности», а словами В. Распутина – к «единому для всего чувствилищу» [12, с. 270].

Здесь затрагивается слишком серьезный вопрос Женственности в философии творчества, над которым размышляли выдающиеся отечественные философы. Не углубляясь и не вдаваясь в его подробности, вспомним слова Н. А. Бердяева: «Мужчина всегда творил во имя Прекрасной Дамы, она вдохновляет его на подвиг и соединяет с душой мира. Но Прекрасная дама, Вечная Женственность, не может оставаться отвлеченной идеей, она неизбежно принимает конкретную чувственную форму. Только женщине могут открыться некоторые тайны жизни, только через женщину может приобщиться к ним мужчина. Без начала женственности, без приобщения к нему никогда не достигнуть окончательного интуитивного знания» [13, с. 62–63].

В. Распутин, «поэт-демиург по призванию» [9], в своих творческих (духовных) поисках, как А. Блок и другие поэты, стремился «прикоснуться» к Вечно Женственному, понятому как «всеобщая связь, вечная связность Всего со всем, субстанция и абсолютная личность всякого соединения... связь Бога и мира, Бога и человека, Духа и природы» [14, с. 402]. Как же художнику обойтись без главного ее проводника? Без образа женщины как космического потенциала?

Конечно, надо понимать, что это не рационалистически выверенный расчет автора, такова сама природа его художественного дарования. Вспоминается в этой связи убеждение русского философа В. Соловьева в том, что «все

истинные поэты так или иначе знали и чувствовали эту “женственную Тень”, но немногие так ясно говорят о ней» [15].

Женственность и женщина становятся в художественном мире В. Распутина не только средством, но и целью познания всего сущего. Это определяет трепетное отношение писателя к конкретной женщине и неиссякающую его потребность в постижении ее внутреннего мира. Вспомним его признание: «Мне интересны женские характеры, они вообще интересуют меня больше, чем мужские. Я знаю, как ведет себя женщина, что у нее на уме, как она поступает в этот или следующий момент. Мужчины, как мне кажется, удаются мне хуже, да и вообще я их не очень знаю» [16, с. 8].

В. Распутин интересовал не просто обобщенный женский образ, но в первую очередь – особенности характера русской женщины, ее духовные возможности в условиях общенациональных катаклизмов.

«Идея женского мессианизма всегда была чрезвычайно важна для русской литературы и русской философии женственности в целом. В русской женщине видели спасительницу России крупнейшие отечественные писатели» [17, с. 192]. Н. В. Гоголь, в художественном творчестве которого женские образы почти всегда были связаны с темными силами, в публицистике подчеркивал главенствующую роль женщины в жизни и русского общества. В книге «Выбранные места из переписки с друзьями», которая, по убеждению самого художника, была «нужна, слишком нужна всем», он трижды обратился к женской теме («Женщина в свете», «Что такое губернаторша», «Чем может быть жена для мужа...»). Сначала писатель только констатировал существенное женское влияние: «Влияние женщины может быть очень велико именно теперь, в нынешнем порядке или беспорядке общества... Чтобы произвести это оживотворение,

необходимо содействие женщины. Эта истина в виде какого-то темного предчувствия пронеслась вдруг по всем углам мира, и все чего-то теперь ждет от женщины». Однако впоследствии он прямо обратился к женщине: «Долго думал я, на кого из вас напасть: на вас или на вашего мужа? Наконец, решаюсь напасть на вас: женщина скорее способна очнуться и двинуться» [18, с. 374]; «Никто теперь в России не умеет сказать самому себе твердого нет. Нигде я не вижу мужа. Пусть же бессильная женщина ему о том напомнит!» [18, с. 374].

Как известно, в общем историко-психологическом прогнозе Ф. М. Достоевского русской женщине отводилась исключительная роль. На ее долю выпало духовное и нравственное обновление и «возвышение» русского общества. В статье «Несомненный демократизм. Женщины», вошедшей в «Дневник писателя», писатель высказал свою главную мысль о русской женщине. По его мнению, в ней заключается «одна наша огромная надежда, один из залогов нашего обновления» [19, с. 28]. Ф. М. Достоевский тонко подметил у женщин высокий, откровенный и смелый подход в запросах, пренебрежение препятствиями и насмешками, твердое желание, бескорыстное и самоотверженное участие в общем деле. Эти качества характера русской женщины позволили высказать ему надежду в декабрьском выпуске «Дневника» за 1877 г. («К читателям»): «Может быть, русская-то женщина и спасет всех нас, все общество наше, новой возродившейся в ней энергией, самой благороднейшей жаждой делать дело, и это до жертвы, до подвига. Она пристыдит бездеятельность других сил и увлечет их за собою, а сбившихся с дороги воротит на истинный путь» [20, с. 127].

В. Распутин своим творчеством продолжил традицию постижения женского мессианизма. Однако если мыслители XIX–XX вв. говорили о возможности

спасения России женщиной, возлагали на нее надежды, то героиня последней повести В. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана», представляющая наш народ на рубеже XX–XXI вв., уже сделала шаг реальный, хотя, разумеется, и трагический, на пути национального спасения. Художник, отражая современную действительность, поставил свою героиню в центр такого конфликта, в котором она отстаивает духовные ценности своего народа даже вопреки юридическим законам. Такой поступок возможен лишь при условии развития у человека такого личностного качества, как способность на самопожертвование. В. Распутин, считая, что обладает этим качеством в высшей степени русская женщина, особенно рельефно показал его в Настене, героине повести «Живи и помни». Настена пожертвовала собой во имя спасения души конкретного человека, своего мужа. А Тамара Ивановна пожертвовала собой уже во имя сохранения чести и достоинства нации, во имя детей и Родины, их общей будущности. Подобная эволюция свидетельствует о том, что женский образ в творчестве В. Распутина становился более содержательным и масштабным. Он оказался способным встать в центр произведения с эпической глубиной содержания (подробнее см. об этом: [17]).

В последней повести «Дочь Ивана, мать Ивана» В. Распутин, как и в ранних рассказах («Эх, старуха», «И десять могил в тайге» и др.), обратился к образу «вечной матери», который однако на закате творчества художника стал существенно отличаться от материнского образа, созданного им в начале творческого пути. Если в первых произведениях метафора «вечная мать» свидетельствовала об осмыслении В. Распутиным материнства в онтологическом смысле, то в зрелом творчестве наряду с онтологией писателя стала интересовать ментальная определенность материнства. Его художественные

поиски реализовались в созданном им образе «вечной русской матери» [17].

Подобная трактовка процесса эволюции женского образа вступает в явное противоречие с весьма распространенной современной точкой зрения о том, что «Распутин обихаживает умирающую страну» [21, с. 20], ибо для писателя традиционная крестьянская Россия со знанием, как надо жить и как надо умирать, закончила свое существование, поскольку «цепь прервалась» [21, с. 15], да и всем главным героиням художника – и Анне, и Настене, и Дарье – «становится ясно, что все прожитое и пережитое было как будто бы напрасно и неминуемо вело к трагическому финалу» [21, с. 13].

Несомненно, творчество В. Распутина во всей своей полноте отразило глубочайшее чувство эсхатологической тревоги, присущее «психической структуре русскости» [14, с. 378] в целом. И. Богин, размышляя об этом «глубочайшем» и основополагающем чувстве для русской души, пришел к выводу, что это есть отражение не просто женственного типа религиозности, но «девственно-женственного типа религиозного стремления, который пребывает в вечном поиске

последней истины, окончательного идеала, с которым человек (культура) обручится навсегда» [14, с. 375]. Отсюда, думается, рождение у писателя XX в. неудовлетворенности современным состоянием мира, отрицание настоящего, но всегда ради грядущего с обязательным утверждением идеала – женского идеала – даже с осознанием возможности трагического исхода его исторической судьбы.

Наследие В. Распутина утверждает отнюдь не гибель России, а те ценности и идеалы для нынешней и будущей России в новых социальных и духовных условиях, ценности ее земной жизни и идеалы ее вознесения.

Иронически-благодатно заканчивает В. Распутин рассказ «В непогоду», написанный в один год с повестью «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003): «И мудро отступил в сторонку Апокалипсис» [22, с. 506].

Будем надеяться, что отступит он и от нас, если постигнем начертанные художником пути его преодоления, услышим и внемлем заветам Анны, Настены, Дарьи, Наташи и Тамары Ивановны – главных героинь В. Распутина, отразивших женственную сущность России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Распутин В. Г.* Откуда есть пошли мои книги // *Распутин В. Г.* В поисках берега. Иркутск, 2007. С. 501–512.
2. *Распутин В. Г.* Вопросы, вопросы... // *Распутин В. Г.* В поисках берега. Иркутск, 2007. С. 477–500.
3. *Плеханова И. И.* Психотип В. Распутина и художественные следствия ментальных установок // *Творчество Валентина Распутина: ответы и вопросы.* Иркутск, 2014. С. 114–141.
4. *Соловьев С. М.* Гёте и христианство. Сергиев Посад, 1917.
5. *Блок А. А.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 7: Автобиография 1915. Дневники 1901–1921. М.–Л.: Гос. изд-во худож. литературы, 1963.
6. *Клинг О.* Мифологема «ewige Weiblichkeit» (Вечная Женственность) в гендерном дискурсе русских символистов и постсимволистов // *Пол. Гендер. Культура: немецкие и русские исследования.* М., 2009. С. 438–452.
7. *Миркушина Л. Р.* Образ женщины в русской религиозной философии и культурной традиции конца XIX – нач. XX вв.: дис. ...канд. филос. наук. Астрахань, 2014.
8. *Непомнящий В. С.* Да ведают потомки православных. Пушкин. Россия. Мы. URL: <http://www.wco.ru/biblio/books/pushkin2/H10-T.htm> (дата обращения: 02.04.2021).

9. Плекханова И. И. Валентин Распутин – поэт: факторы поэтического самосознания. URL: <http://russculture.ru/2018/08/26/ирина-плекханова-валентин-распутин/> (дата обращения: 02.04.2021).
10. Галимова Е. Ш. Мистическое в художественном мире Валентина Распутина // Творчество Валентина Распутина: ответы и вопросы. Иркутск, 2014. С. 66–74.
11. Иванов Вяч. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3: О достоинстве женщины. URL: https://rvb.ru/ivanov/1_critical/1_brussels/vol3/01text/02papers/3_079.htm (дата обращения: 02.05.2021).
12. Распутин В. Г. Что передать вороне? // Распутин В. Г. В ту же землю: Повести, рассказы. М., 2001. С. 252–272.
13. Бердяев Н. А. Метафизика пола и любви // Бердяев Н. А. Эрос и мораль. Харьков, 2008.
14. Богин И. Вечная Женственность. СПб., 2003.
15. Соловьев В. С. Поэзия Я. П. Полонского. Критический очерк (1896). URL: http://www.odinblago.ru/soloviev_7/14 (дата обращения: 02.04.2021).
16. Лежнёва М. Интервью с В. Распутиным // Литературная Россия. 2000. № 1–2.
17. Игнатьева А. В. Эволюция образа русской женщины в творчестве В. Г. Распутина: дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2008.
18. Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6.: Чем может быть жена для мужа... М., 1937.
19. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 23: Несомненный демократизм. Женщины. Л.: Наука, 1981.
20. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 26: Дневник писателя за 1877 г. Л.: Наука, 1984.
21. Литовская М. А. Валентин Распутин и конец советской эпохи // Творческая личность Валентина Распутина: живопись – чувство – мысль – воображение – откровение: сб. науч. тр. Иркутск, 2015. С. 12–21.
22. Распутин В. Г. В непогоду // Распутин В. Г. Собрание повестей и рассказов в одном томе. М., 2017. С. 489–506.

REFERENCES

1. Rasputin V. G. Otkuda est poshli moi knigi. In: Rasputin V. G. *V poiskakh berega*. Irkutsk, 2007. Pp. 501–512.
2. Rasputin V. G. Voprosy, voprosy... In: Rasputin V. G. *V poiskakh berega*. Irkutsk, 2007. Pp. 477–500.
3. Plekhanova I. I. Psikhotrop V. Rasputina i khudozhestvennye sledstviya mentalnykh ustanovok. In: *Tvorchestvo Valentina Rasputina: otvety i voprosy*. Irkutsk, 2014. Pp. 114–141.
4. Solovyev S. M. *Goethe i khristianstvo*. Sergiev Posad, 1917.
5. Blok A. A. *Coll. works. In 8 vols. Vol. 7: Avtobiografiya 1915. Dnevniki 1901–1921*. Moscow–Leningrad: Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvennoy literatury, 1963.
6. Kling O. Mifologema «ewige Weiblichkeit» (Vechnaya Zhensvennost) v gendernom diskurse russkikh simvolistov i postsimvolistov. In: *Pol. Gender. Kultura: nemetskie i russkie issledovaniya*. Moscow, 2009. Pp. 438–452.
7. Mirkushina L. R. *Obraz zhenshchiny v russkoy religioznoy filosofii i kulturnoy traditsii kontsa XIX – nach. XX vv. PhD dissertation (Philosophy)*. Astrakhan, 2014.
8. Nepomnyashchiy V. S. Da vedayut potomki pravoslavnykh. Pushkin. Rossiya. My. Available at: <http://www.wco.ru/biblio/books/pushkin2/H10-T.htm> (accessed: 02.04.2021).
9. Plekhanova I. I. Valentin Rasputin – poet: faktory poeticheskogo samosoznaniya. Available at: <http://russculture.ru/2018/08/26/ирина-плекханова-валентин-распутин/> (accessed: 02.04.2021).
10. Galimova E. Sh. *Misticheskoe v khudozhestvennom mire Valentina Rasputina*. In: *Tvorchestvo Valentina Rasputina: otvety i voprosy*. Irkutsk, 2014. Pp. 66–74.
11. Ivanov Vyach. *Coll. works. In 4 vols. Vol. 3: O dostoinstve zhenshchiny*. Available at: https://rvb.ru/ivanov/1_critical/1_brussels/vol3/01text/02papers/3_079.htm (accessed: 02.05.2021).
12. Rasputin V. G. *Chto peredat vorone?* In: Rasputin V. G. *V tu zhe zemlyu: Povesti, rasskazy*. Moscow, 2001. Pp. 252–272.

13. Berdyaev N. A. *Metafizika pola i lyubvi*. In: Berdyaev N. A. *Eros i moral*. Kharkov, 2008.
14. Bogin I. *Vechnaya Zhenstvennost*. St. Petersburg, 2003.
15. Solovyev V. S. *Poeziya Ya. P. Polonskogo. Kriticheskiy ocherk (1896)*. Available at: http://www.odinblago.ru/soloviev_7/14 (accessed: 02.04.2021).
16. Lezhneva M. *Intervyu s V. Rasputinym. Literaturnaya Rossiya*. 2000. No. 1–2.
17. Ignatyeva A. V. *Evolutsiya obraza russkoy zhenshchiny v tvorchestve V. G. Rasputina. PhD dissertation (Philology)*. Tyumen, 2008.
18. Gogol N. V. *Coll. works. In 6 vols. Vol. 6.: Chem mozhet byt zhena dlya muzha...* Moscow, 1937.
19. Dostoevskiy F. M. *Complete set of works. In 30 vols. Vol. 23: Nesomnenny demokratizm. Zhenshchiny*. Leningrad: Nauka, 1981.
20. Dostoevskiy F. M. *Complete set of works. In 30 vols. Vol. 26: Dnevnik pisatelya za 1877 g.* Leningrad: Nauka, 1984.
21. Litovskaya M. A. *Valentin Rasputin i konets sovetskoy epokhi*. In: *Tvorcheskaya lichnost Valentina Rasputina: zhivopis – chuvstvo – mysl – voobrazhenie – otkrovenie. Coll. of scient. papers*. Irkutsk, 2015. Pp. 12–21.
22. Rasputin V. G. *V nepogodu*. In: *Rasputin V. G. Sobranie povestey i rasskazov v odnom tome*. Moscow, 2017. Pp. 489–506.

Игнатъева Анастасия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры интенсивного обучения русского языка как иностранного, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

e-mail: nafynya@yandex.ru

Ignateva Anastasia V., PhD in Philology, Assistant Professor, Intensive Teaching of Russian as a Foreign Language Department, The Herzen State Pedagogical University of Russia

e-mail: nafynya@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 05.05.2021

The article was received on 05.05.2021